

Анна САФРОНОВА

ПРОДОЛЖАЯ РАЗГОВОР

Сергей Костырко. Образ жизни: эссе-истская проза. – М: Стеклограф, 2024. – 328 с.

Дорогие друзья, номер, который вы сейчас читаете (ну, или просматриваете) – сотый в новой истории «Волги» (с момента восстановления работы журнала в 2008-м). То есть «Волга» закрылась в 2000-м году на номере 413-м (по нумерации с момента основания), а этот – 513-й. И точно могу сказать, что если бы не поддержка Сергея Костырко и команды «Журнального зала», этого юбилея могло и не быть. Между тем виделись мы с СК всего три раза в жизни. Первый раз – в начале 90-х: меня и моего старшего товарища Алексея Слаповского откомандировали в Москву за коленкором. Да, именно так, ничего удивительного: «Волга» пыталась зарабатывать книгоизданием, коленкор был нужен для переплетов. И вот мы зашли в «Новый мир» навестить бывшего коллегу, и он-то и познакомил меня с СК. Меня тогда только-только взяли в «Волгу» и назначили отвечать за критику, и все редакторы, особенно столичные, казались мне небожителями, т.е. я сильно робела. СК спросил, что мне интересно в современной критике. А в критике тогда был полный разброд и шатания, трудно было ориентироваться. Я назвала «МИКС»¹, и в частности «Письма С.». СК разулыбался, как будто услышал нечто чрезвычайно приятное – я даже подумала: не он ли автор? Второй раз – на конференции «Журнальная Россия», организованного «Знаменем» в 2015 году. И последний раз – в 2018, на фестивале «Толстяки на Урале». Тогда казалось – еще сто раз увидимся, еще сто раз поговорим.

¹ «МИКС» издавался в Свердловске в 1990–1991 годах, посмотреть можно здесь: https://m.vk.com/wall-139222551_3338

Собственно, вот и говорим сейчас – посмертная книга и есть такой разговор, просто в ином измерении. А писать об этой книжке трудно – автор как бы программирует на отказ от общепринятой аналитики, программирует своей неназойливостью, самоиронией, ответственностью интонации. Читаешь – и ничего «умного» и говорить не хочется, будет неуместно. «Так что не будем умничать. Будем просто описывать, ни на чем особо не настаивая» (с. 37).

В сущности, перед нами, говоря условно, – книга путешествий, если понимать «путешествие» так, как его трактует СК: «...любое путешествие, которое всегда – писание “текста”... И чтение этих “текстов” на самом деле – это процесс обнаружения себя в другом пространстве и, соответственно, выстраивание себя заново, уже по законам этого пространства».

Каждый текст в «Образе жизни» – это и есть именно такое путешествие – будь то Стамбул, Челябинск или Екатеринбург. «Иными словами, не я читаю “екатеринбургский текст” – это он читает меня» (с. 48).

И вот это, наверное, именно та точка отсчета, с которой вполне реальное, материальное, географическое пространство вдруг показывается необыкновенно отчетливо, как если бы к художественным описаниям, к прихотливым скачкам в пространстве и времени прилагался какой-нибудь справочник-указатель. Духовное открывает материальное.

Сюжетный накал может быть вполне декоративным. Вот рассказчик опаздывает в аэропорт, преодолевая промзоны Челябинска, вот из-за бумажных препон не может вылететь в Стамбул и уже в Стамбуле заплатить за метро – всё описано так зримо, что невольно включается «наивный читатель», который переживает страшно и хочет перелистнуть несколько страниц, чтобы узнать, чем кончилось. Кстати, включать «наивного читателя» – одна из черт СК, он признается: читая Памука, заглянул в финал, чтоб узнать развязку, и только после этого вернулся к медленному чтению.

Литературных имен, кстати, в книге не много, и все они являются частью внутрен-

него пейзажа, при этом, кстати, не утрачивая конкретики. Например, рассказчик посещает в Ялте литературный музей некоего Б-ова. Конечно, для читателя прототип не будет секретом, да автор на таинственности и не настаивает, т.е. не ретуширует детали, а описывает вполне конкретную биографию лауреата Сталинской премии Бирюкова. Но почему называет его Б-ов, а не Бирюков? Прием великолепный: ирония по поводу биологической особи «советский писатель» сразу смягчается, приобретает более широкий смысл, так как касается как бы не исключительно конкретного персонажа, но вполне типичного, всем нам хорошо знакомого под разными именами. СК не насмешничает, не обличает, а в итоге отдает дань уважению – Б-ов служил Музе. Это одна из важнейших черт СК – ничего и никого не зачеркивать, а просто найти всему свое место.

И, соответственно, ирония у него нежнейшая, не бросающаяся в глаза: «Университетский Ленин стоит при входе, в закуточке под лестницей, в том месте, в каком в богатых купеческих домах ставили чучело медведя» (с. 50).

Тексты в книге организованы таким образом (книгу составлял сам СК): более «документальные» – «Пентагон» (о Екатеринбурге), «Пейзаж Челябин», «Стамбул» – в начале, а тексты, тяготеющие к вымыслу, отнесены ближе к концу.

Несколько особняком стоит «Ветхозаветный Иисус»¹, и в очередной раз поражает способность СК (при всей его скромности и самоумалении) браться за немалые задачи: «...здесь, в Израиле, отличия этих книг вдруг стали для меня стираться, а облик Иисуса, светивший умиротворением с полотен европейских мастеров, усложняться. Я вдруг ощутил, что Иисус Христос гораздо ближе к духу Старого Завета, чем мне казалось. И что никакого противостояния Старого и Нового Завета нет. Вот сюжет, к которому я пытался приступить: соединение для меня двух Заветов в один. Сюжет, как я достаточно быстро осоз-

нал, для меня непосильный. Я не библиист, не христолог, не историк, не философ. Я средне-статистический обыватель с гуманитарным образованием (сомнительным по нынешним временам). И я пытаюсь здесь описать, что может происходить с человеком, читающим Библию в Израиле. Вполне представляю себе реакцию действительно образованных людей или «истинно верующих» на подобный текст. К тому ж существует уже огромная, тщательно проработанная литература на эту тему. Тогда – зачем? Единственное оправдание: писание вот этого текста – это мое сугубо личное дело, на какой-либо вклад в библиистику уж никак не претендующее».

Композиционный центр – текст «Образ жизни», давший название книге. Здесь невольно ждешь некоторого теоретизирования, особенно при взгляде на некоторые подзаголовки: «Процесс самоидентификации», «Инвентаризация»... Но нет! СК верен себе: «Нет, придуриваться не буду, я – литератор, и когда что-то пишешь, всегда интересно, что у тебя получается – литература или нет? Но в случае с “кофейной тетрадь” на это можно вообще не оглядываться. Можно будет потом посмотреть, что написано, а пишется в кафе, повторяю, само. А если не пишется, то можно просто в окно смотреть, бывает хорошо и так» (с. 162).

Впрочем, СК иногда и теоретизирует, вот в таком духе: «Я вполне осознаю, что текст, который здесь пишу, может восприниматься странноватым, поскольку если критик взялся писать о литературном произведении, то ему следовало бы ответить на вопросы: о чем эта книга, на каком материале написана, что хотел сказать автор, какими средствами он это делает и насколько у него все это получилось. А весь свой текст критик должен выстроить так, чтобы он подводил к ответу на главный вопрос: состоялась ли эта книга как художественное произведение. На последний вопрос ответу сразу: состоялась. Безусловно. Могу подробно объяснить, почему так считаю. Но не вижу в этом смысла» (о романе Памука, из «Стамбула»).

И самая шикарная фраза в книге (завершает эссе «Образ жизни»): «И пока тебе пишется, пиши. Зачем? Не твое дело» (с. 209).

¹ Публиковался в «Волге»: <https://magazines.gorky.media/volga/2023/9/vethozavetnyj-iisus.html>

В финале этой скромной заметки хочу обратить внимание читателей (тех, разумеется, кому еще только предстоит открывать замечательного СК) – есть у автора и другие книги¹.

Ольга БАЛЛА-ГЕРТМАН

ЗАДЕВАЯ ПЛАМЯ

Игорь Поглазов. Я ни о чём не жалею: Стихи. – Минск: Колорград, 2024. – 224 с.

В эту книгу, уже четвёртый посмертный сборник Игоря Поглазова (1966–1980), вошли в основном стихи и прозаические тексты последних четырёх месяцев жизни автора, по собственной воле не дожившего двух недель до четырнадцати лет. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Есть стихи и более ранние: 1978 (автору, родившемуся в самом конце декабря, – одиннадцать лет), 1979.

Всё это, честно сказать, с великим трудом, если вообще, укладывается во внутреннем чувстве. В стихах этого мальчика – столько взрослого горького опыта, взрослого самосжигания, столько безудержного взрослого чувства и взрослого же его понимания, что непонятно, как возможно было успеть такое к неполным четырнадцати годам, какой скоростью внутреннего времени надо было обладать, где он вообще взял этот опыт и как смог вместить в себя такие громадные объёмы чувства и смысла. Детского – наивного, простодушно-доверчивого, мило-неуклюжего – ничего совсем, даже в одиннадцать лет, когда, казалось бы, ещё сплошное детство: ни в мировосприятии, ни в способах его выговаривания (разве что некоторые языковые неловкости вроде просторечного «нету» вместо «нет»); никакой ориентации и на стихи, адресованные его сверстникам-детям. Никаких скидок себе на тот самый возраст, ни на что вообще. Никаких игр – всё всерьёз, всё по максимальному счёту.

Не детская, не отроческая – куда скорее, юношеская сознательная, намеренная неосторожность, безоглядное, беззащитное движение навстречу крупному. Сразу – присвоенной на правах власть имеющего – взрослой речью, сразу – на свой страх и риск – во весь рост.

Я, постигающий науку мастерства,
Переживавший то, чего не сможет
Изобразить уж ни один художник...

Где, когда, каким образом он это переживал?

Удивительным образом, в этой тайне практически ничего не проясняет занимающая половину книги биография Игоря, написанная его матерью, Верой Поглазовой. Да, эта биография даёт подробное представление о том, каким был автор стихов: вначале умный восприимчивый мальчик – далёкий от всякого вундеркинства и уж тем более от всякой правильности, позже бесшабашный подросток – страстный, жизнелюбивый, категоричный, совершенно не собиравшийся укладываться во взрослые рамки, бунтарь, вечно конфликтовавший со школой и впутывавшийся в разные рискованные истории, однажды чуть не загремевший в колонию. Да, стремительно росший даже физически – выглядел в свой последний год лет на восемнадцать-девятнадцать (фотография на обложке книги это подтверждает), выдавал себя за абитуриента, уже окончившего школу и поступавшего, да не поступившего в Литинститут, ему легко верили. Но всё равно это ничего не объясняет. Внешнее оно и есть внешнее.

(Скорее всего, это прежде всего о том, что внешние обстоятельства человека и его внутренние события и масштабы совсем не так тесно связаны друг с другом, как привычно думать. У внутреннего какие-то иные источники. И не факт, что исчерпывающе постижимые.)

По большому счёту, уж если человек – поэт (а Игорь был поэт вне всякого сомнения; это не только род деятельности, он уж на втором шаге, а прежде всего тип личности), стихи его должны бы читаться без всяких скидок на возраст. В конце концов, должны же тексты говорить сами за себя, тем более что поэзия,

¹ Напр., «Критика-2», см.: <https://formasloff.ru/wp-content/uploads/2023/01/kostyrko-kritika-2.pdf>